902.7
М63
46673

Миролюбов В.И.

Из быта крещеных чуваш

Казань - 1889

ВКА

(дат

+

46673

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА КАЗАНСКОЙ Духовной [illegible]

ИЗЪ БЫТА

КРЕЩЕНЫХЪ ЧУВАШЪ.

Діакона В. И. Миролюбова.

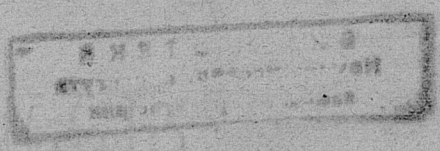
46673

БИБЛІОТЕКА Нижегородск. [illegible] института [illegible]

38 5/8
Инв.
Хрон. 3882
К. Д. С.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1889.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій по Казанской Епархіи за 1889 годъ
№№ 16, 18 и 21.



Въ южной полосѣ цивильскаго уѣзда казанской губерніи стоитъ село Чутеево, мѣстность котораго окружена съ трехъ сторонъ лѣсами, а съ четвертой полями. Село раздѣляется на двѣ половины большимъ оврагомъ. Изъ горы, лѣвой стороны этого оврага, вытекаетъ довольно значительный родникъ, водою котораго довольствуются жители села круглый годъ въ полномъ избыткѣ. Вода этого источника очень мягкая и удобная для питья. Въ сѣверной сторонѣ села стоитъ небольшой храмъ, деревянный и очень ветхій, построенный во 2-й половинѣ XVIII столѣтія. Снаружи этотъ храмъ обшитъ тесомъ и окрашенъ былъ дикою краскою, а тесовая крыша— красною, но теперь не осталось уже и слѣдовъ краски. Какъ на храмѣ, такъ и на колокольнѣ, шатрообразныя главы, небольшія, обшиты листовымъ желѣзомъ и окрашены зеленою краскою, которую также уже обмыло дождемъ. Внутренность храма чрезвычайно бѣдна. Стѣны не только не обшиты тесомъ, но даже и не выстроганы, а отесаны пазникомъ [1]). Какъ въ алтарѣ, такъ и въ трапезѣ, устроены лавки. Иконостасъ о трехъ ярусахъ; иконы въ немъ стариннаго письма. Престолъ одинъ — *во имя Рождества Христова.* Церковная утварь и ризница очень бѣдныя. Храмъ холодный, рамы въ окнахъ однѣ и не крѣпки, отъ чего въ зимнее время бываетъ не только холодно, но въ ненастье наноситъ въ храмъ очень много снѣгу, поэтому служба въ зимнее время совершается очень рѣдко.

Ограда при сей церкви была когда-то бревенчатая, но отъ давняго времени сгнила и вся вмѣстѣ со столбами развалилась, и теперь церковь остается безъ ограды. Да и самая церковь уже близка къ разрушенію. Въ концѣ 30-хъ

---

[1]) **Инструментъ, которымъ выдалбливаютъ колоды для скота**

или началѣ 40-хъ годовъ какой то лѣсничій изъ усердія къ храму пожертвовалъ было изъ обывательскихъ дачъ своего лѣсничества лѣсу на сооруженіе новой церковной ограды, и лѣсъ уже былъ вывезенъ прихожанами въ количествѣ ста бревенъ сосновыхъ, довольно толстыхъ, но, по неимѣнію церковныхъ средствъ, лѣсъ этотъ, пролежавъ нѣсколько лѣтъ, весь истлѣлъ.

Съ того времени церковь остается въ самомъ жалкомъ положеніи. Хотя со стороны причта и мѣстнаго духовнаго начальства и принимались мѣры къ убѣжденію прихожанъ исправить церковь и выстроить ограду, но всѣ эти убѣжденія остались тщетными. Прихожане совершенно было отказались отъ исправленія ветхостей церкви и желали отчислиться къ сосѣднимъ селамъ, о чемъ уже оффиціально заявили духовному начальству. Епархіальное начальство обратило на это особенное вниманіе и нашло нужнымъ поручить благочинному о. П. позаботиться о томъ, чтобы прихожане постарались исправить свою приходскую церковь. Прихожане сначала было отказывались отъ этого и высказывали желаніе перечислиться въ сосѣдній приходъ, но о. благочинный, осмотрѣвши собственныя ихъ жилища и удостовѣрившись въ удовлетворительномъ хозяйственномъ состояніи ихъ, убѣдилъ ихъ приняться за исправленіе и обновленіе своего храма. Въ тоже время о. благочинный П. предложилъ настоятелю Чутеевской церкви выхлопотать у Епархіальнаго начальства книгу на сборъ доброхотныхъ подаяній, каковая и была выдана срокомъ на одинъ годъ. Трудъ по сбору подаяній принялъ на себя заштатной причетникъ села Чутеева М., который и отправился сначала въ г. Казань, а оттуда въ Нижній Новгородъ на ярмарку, заходя на пути и въ нѣкоторые уѣздные города, ища благотворящихъ св. храмамъ. Такимъ образомъ собрана была небольшая сумма, съ которою можно было начать обновленіе храма. Но Чутеево испытало на себѣ тяжелое бѣдствіе, которое остановило благія начинанія,—большая часть села выгорѣла, сгорѣлъ и домъ причетника, который ходилъ по сбору и принималъ живое участіе въ исправленіи церкви, послѣ чего этотъ причетникъ съ сыномъ своимъ долженъ былъ выдти въ г. Цивильскъ. Равнымъ образомъ и благочинный, о. П., такъ энергично начавшій было хлопотать о исправленіи Чутеевской церкви, въ скоромъ времени получилъ другое назначеніе и церковь, потерявши этихъ усердныхъ рев-

нителей, осталась, и чуть ли и по сіе время не остается, въ прежнемъ жалкомъ положеніи.

Поводомъ же къ намѣренію прихожанъ отчислиться въ другіе приходы послужило слѣдующее обстоятельство. Къ церкви с. Чутеева сначала причислены были пять приходскихъ деревень, но въ концѣ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія прихожане двухъ деревень — Курбашъ и Молькѣевой, изъ опасенія исправлять ветхость церкви, а частію по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, отчислились къ сосѣднему селу Турминскому, свіяжскаго уѣзда. Жители означенныхъ деревень—изъ татаръ, мещеряковъ—крещеные, имѣя на базарѣ частое сношеніе съ жителями с. Турминскаго, говорили о своихъ предстоящихъ расходахъ на исправленіе своей приходской церкви, относясь къ этому вообще не сочувственно, а жители с. Турминскаго, пользуясь этимъ случаемъ, предложили имъ перейдти въ ихъ приходскую церковь, говоря, что храмъ у нихъ каменный и довольно прочный, а если бы и потребовалъ со временемъ какихъ либо поправокъ, то и тогда съ прихожанъ не спросится никакихъ издержекъ, такъ какъ это село помѣщичье и самая церковь выстроена здѣсь иждивеніемъ помѣщиковъ, которые и будутъ исправлять храмъ на свой собственный счетъ. На это жители Курбашъ и Молькѣевой охотно изъявили согласіе, а привести ихъ желаніе въ исполненіе было не очень трудно. Помѣщикъ этого села Б. занималъ въ то время должность исправника въ г. Цивильскѣ, и слѣдовательно они находились подъ его администраціей. Стоило ему только пріѣхать въ ихъ деревни и отобрать приговоръ о желаніи ихъ перечислиться въ приходъ села Турминскаго. Составленъ былъ приговоръ, въ которомъ было сказано, что они, прихожане с. Чутеева, будучи отдѣлены отъ храма рѣкою, которая въ вешнее время разливается очень широко и тѣмъ надолго прекращаетъ всякое сообщеніе, лишаются исполненія христіанскихъ требъ. Такой приговоръ при прошеніи представленъ былъ Епархіальному начальству, но оно не вдругъ рѣшилось отчислить ихъ, но предписало протоіерею г. Свіяжска Л. сдѣлать изслѣдованіе, на сколько справедлива причина, заставляющая просителей отчислиться отъ церкви села Чутеева? О. Л. слишкомъ поспѣшно рѣшилъ это дѣло въ пользу перечисленія жителей деревень Курбашъ и Молькѣевой къ приходу села Турминскаго.

Страннымъ кажется въ этомъ дѣлѣ то, что маленькая рѣчка Ишка, которая никогда не служила и не будетъ служить препятствіемъ къ сообщенію дер. Курбашъ и Молькѣевой съ селомъ Чутеевымъ, такъ какъ она ни когда не выливается изъ береговъ, и кромѣ того черезъ эту рѣчку выстроенъ довольно большой и прочный мостъ,—эта маленькая рѣчка, говоримъ, выставлена препятствіемъ, напротивъ того, большая рѣка Кубня, служащая важнымъ препятствіемъ въ сообщеніи означенныхъ деревень съ селомъ Турминскимъ, обойдена молчаніемъ. Слѣдователь долженъ бы былъ обратить вниманіе на разницу этихъ рѣкъ. Первая изъ нихъ, которая служила въ глазахъ о. Л. препятствіемъ въ сообщеніи, протекаетъ менѣе десяти верстъ, а послѣдняя, въ двадцать разъ шире и глубже первой, протекаетъ не одну сотню верстъ. Такъ то совершилось прискорбное отчисленіе прихожанъ вышеуказанныхъ двухъ деревень отъ приходской церкви с. Чутеева, подавшее поводъ и послѣднимъ прихожанамъ, презрѣвъ прямой долгъ исправлять ветхости своего приходского храма, отчислиться къ другимъ, пока не требующимъ поправокъ, храмамъ.

Скоро въ селѣ Чутеевѣ причтъ получилъ отъ Епархіальнаго начальства указъ, въ которомъ было сказано, что деревни Курбашъ и Молькѣева отчислены отъ села Чутеева къ церкви с. Турминскаго.

Прихожане села Чутеева всѣ изъ чувашъ—крещеные, кромѣ одной деревни Хозесановой, жители которой, хотя по документамъ церковнымъ и значатся изъ чувашъ крещенными, но болѣе вѣроятія заслуживаетъ преданіе, по которому извѣстно, что они изъ татаръ—мещеряковъ крещенные, что подтверждается образомъ ихъ жизни, нарѣчіемъ и разными обрядами, совершаемыми ими при домашнихъ моленіяхъ. Живутъ они много чище другихъ чувашъ, у рѣдкаго изъ нихъ можно встрѣтить черную, курную избу; говорятъ они всѣ нарѣчіемъ татарскимъ, а по чувашски могутъ говорить только одни мужчины, а изъ женщинъ очень рѣдкія. Много также они разнятся отъ другихъ чувашъ и по типу: они вообще чисты лицемъ, высокаго роста и здороваго тѣлосложенія, что невыгодно отзывалось на нихъ при рекрутскихъ наборахъ. Въ каждый наборъ изъ ихъ деревни приходилось отдавать въ рекруты чуть ли не полное число рекрутъ, требуемыхъ съ цѣлаго общества, не смотря на то, что

жителей считается съ небольшимъ 200 душъ мужескаго пола. Другою отличительною чертою ихъ отъ остальныхъ чувашъ служитъ то, что они не признаютъ никакихъ христіанскихъ праздниковъ, не признаютъ также ни кереметей, ни ириховъ, а справляютъ какіе-то свои обряды. Вмѣсто св. Пасхи они празднуютъ татарскій праздникъ сабанъ; тогда бываетъ у нихъ общее гулянье и конскія ристалища. Воскресныхъ и прочихъ, установленныхъ православною церковію праздниковъ, они не знаютъ и не почитаютъ и во всѣ эти дни отправляютъ какъ домашнія, такъ и полевыя работы, празднуютъ же пятницу. Впрочемъ дни пятницы празднуютъ и другіе чуваши. Прискорбно бываетъ видѣть, когда они по случаю поздней нашей Пасхи, отпраздновавъ свой сабанъ раньше, въ дни Пасхи выѣзжаютъ на полевыя работы и тѣмъ, будучи сами христіане, нарушаютъ святость торжества, столь великаго праздника праздниковъ.

Прочіе прихожане, изъ чувашъ крещеные, къ божественнымъ службамъ очень рѣдко ходятъ въ храмъ, впрочемъ великіе праздники Рождества Христова и Пасхи почитаютъ. Въ первый изъ этихъ праздниковъ приходятъ въ храмъ собственно потому, чтобы послѣ службы по обычаю зайти на угощеніе къ членамъ причта [1]). Праздниковъ христіанскихъ и воскресныхъ дней чуваши также почти не почитаютъ, а празднуютъ пятницу, называя ее эрнэгонъ, т. е. днемъ недѣльнымъ; воскресный же день они не чтятъ собственно потому, что, по ихъ понятіямъ, онъ назначенъ Богомъ для почитанія русскимъ, почему и называется у нихъ вырзарнигунъ (вырысъ—арня—гунъ) — русскій недѣльный день. По пятницамъ они не производятъ никакихъ работъ, а проводятъ, большею частію, время на базарѣ или въ гостяхъ у родныхъ и знакомыхъ. Въ храмъ же Господень почти никогда не ходятъ, кромѣ вышепоказанныхъ дней или кромѣ крайнихъ случаевъ — требоисправленій. Этою холодностію или невѣденіемъ христіанства чувашами объясняется и тотъ фактъ, что въ этомъ приходѣ, состоящимъ изъ 800 душъ мужескаго пола, продается въ церкви въ годъ свѣчъ восковыхъ 24 фунта. Во время пасхальнаго и со святою водою, въ празд-

[1]) **Угощеніе это состоитъ въ пивѣ, котораго къ празднику каждый членъ причта наваривалъ до 150 ведръ и болѣе.**

никъ Богоявленія, ходовъ по домамъ прихожанъ нарочито приглашается причтомъ церковный староста, который, смотря по средствамъ каждаго прихожанина, раздаетъ свѣчи въ домахъ на сумму отъ 5 до 20 коп. Если не принимать такихъ мѣръ, то едвали бы привелось въ годъ распродать и 10 ф. свѣчъ.

Христіанскій долгъ исповѣди и причащенія св. Таинъ Христовыхъ чуваши исполняютъ не добровольно и не по убѣжденію въ необходимости онаго, а по настоянію причта, который иногда не безъ помощи волостнаго правленія сзываетъ ихъ въ храмъ. Здѣсь предварительно раздаютъ каждому чувашину билетики, которые чуваши, идя говѣть, берутъ съ собою, а въ день причащенія Таинъ Христовыхъ въ храмѣ отдаютъ билетики причетнику, стоящему близъ амвона, а потомъ уже подходятъ причащаться. Самое говѣнье чувашъ состоитъ въ томъ, что они приходятъ изъ приходскихъ деревень дни на два и то со скромною пищею, напр., сырцами, которые не считаются у нихъ скоромными, такъ какъ въ нихъ нѣтъ крови.

Не исполняя христіанскихъ обрядовъ и не чтя установленныхъ православною церковію праздниковъ, чуваши однако имѣютъ своеобразные религіозные обряды. У нихъ есть разныя моленія, разныя чуки: аслы чукъ (большое богомолье), кисинь чукъ (малое богомолье), сюмуръ чукъ (моленье во время бездождія), авданъ сыры (поминовеніе родителей) и пр. обряды, о которыхъ постараемся передать хотя краткія свѣдѣнія.

Аслы чукъ (большое или общественное богомолье) бываетъ особенно въ тяжкіе для народа годы, по случаю неурожая или какихъ либо эпидемическихъ болѣзней. День для такого богомолья назначается на сельскомъ сходѣ, гдѣ также дѣлается раскладка по душамъ или дворамъ денегъ на покупку коровы или быка, или молодаго жеребенка, овецъ, гусей, утокъ и проч. Здѣсь даже указывается на извѣстнаго имъ быка, который покупается по первому запросу стоимости продавцемъ. Выторговать сколько нибудь рублей считается дѣломъ противорелигіознымъ, чѣмъ и пользуются нѣкоторые чуваши — продавцы. Указаніе же, у кого купить быка, зависитъ отъ юмзей (знахарей), которые вообще пользуются большимъ почетомъ. Мѣсто для богомолья одинъ разъ на всегда избирается гдѣ либо въ лѣсу, въ оврагѣ, гдѣ есть

въ избыткѣ родниковая вода. Въ день, назначенный для богомолья, выборный деревни съ нѣсколькими десятками чувашъ отправляется на мѣсто богомолья, взявши съ собою все, нужное для совершенія жертвы, въ сопровожденіи на этотъ разъ нарочито избраннаго изъ почетныхъ юмзей опытнаго юмзи (жреца). На мѣстѣ богомолья, на козлахъ, сдѣланныхъ на растущихъ деревахъ, навѣшиваются большіе, чугунные котлы, наливается въ нихъ вода, но первое ведро въ каждый котелъ вливаетъ означенный жрецъ, а также и подкладываются дрова. Когда уже все приготовятъ и къ этому времени соберутся всѣ домохозяева извѣстной деревни, жрецъ знакомъ руки призываетъ всѣхъ къ молитвѣ и первый самъ падаетъ на колѣни [1]), чему слѣдуютъ всѣ, а онъ начинаетъ молитву, въ которой высказываются всѣ грѣхи и беззаконія ихъ и постигшій за оныя гнѣвъ Божій. Въ заключеніе же молитвы испрашивается Божіе помилованіе и отвращеніе отъ нихъ гнѣва, при чемъ юмзя, указывая рукою на стоящихъ тутъ же животныхъ, громкимъ голосомъ кричитъ, что они, Боже, приносятся Тебѣ для умилостивленія Тебя... и потомъ, вставши съ колѣнопреклоненной молитвы, беретъ изъ рукъ меньшаго юмзи ведро холодной воды, которую выливаетъ на животное, произнося слова: „сирлахъ Тора“! (помилуй Боже) Если животное по вылитіи на него перваго ведра воды отряхнется, то это считается благопріятнымъ знакомъ того, что Богу эта жертва угодна, посему тотчасъ же связываютъ такому животному ноги и закалаютъ. Но если съ перваго ведра воды животное не отряхивается, то выливается другое и третье, и продолжается эта операція до тѣхъ поръ, пока животное не отряхнетъ съ себя воды; такъ дѣлаетъ юмзя и съ прочими животными и птицами. Когда всѣ животныя будутъ заколоты, шкуры съ нихъ содраны, а птицы ощипаны, тогда жрецъ снова встаетъ на колѣна и прочитываетъ молитву, окончивъ которую, высѣкаетъ изъ кремня огонь и зажигаетъ имъ дрова только подъ первымъ котломъ, а изъ подъ перваго котла младшіе юмзи берутъ уже готовый огонь для зажженія дровъ подъ другими котлами. Сварившіи говядину и въ отварѣ оной кашу, меньшіе юмзи подаютъ старшему

---

[1]) Странно смотрѣть на колѣнопреклоненную молитву чувашъ,— они не стоятъ на колѣняхъ, а сидятъ задницею на ногахъ.

большія блюда и чашки, въ которыя онъ накладываетъ кашу; а они разставляютъ чашки на разостланные по лугу большіе лубки. Когда раздадутъ всю кашу, тогда принимается старшій юмзя рѣзать по частямъ говядину такъ, чтобы каждому пришедшему на моленіе привелось получить отдѣльную часть; части эти раскладываютъ по блюдамъ тѣже младшіе юмзи. По раздачѣ всѣмъ и всего свареннаго, старшій юмзя снова встаетъ на колѣна, а за нимъ и всѣ участвующіе въ моленіи, и начинаетъ читать молитвы, по прочтеніи которыхъ, всѣ встаютъ съ колѣнъ, а потомъ уже принимаются за ѣду. Юмзя беретъ голову старшаго животнаго и бросаетъ въ огонь, а остальные юмзи—прочія головы и ноги остальныхъ животныхъ и птицъ. Начинаетъ вкушать жертвенную пищу такъ же старшій юмзя или жрецъ. На этомъ обѣдѣ бываетъ очень много мальчиковъ и постороннихъ; женщины у чувашъ въ моленіяхъ не участвуютъ. Оставшееся не съѣденнымъ разносятъ по домамъ для другихъ членовъ семейства, въ томъ числѣ и для женщинъ.

На одно изъ такихъ общественныхъ чувашскихъ молений былъ купленъ для принесенія въ жертву у односельца чувашина, конечно, по указанію юмзы, быкъ, предназначавшійся нѣсколько уже лѣтъ для домашняго моленія. Быкъ этотъ былъ слишкомъ жиренъ и при поливаніи на него воды не разу не отряхивался, а потому владѣлецъ его, продержа его у себя не менѣе 6 лѣтъ, рѣшился прибѣгнуть къ старшему юмзѣ, чтобы онъ, въ случаѣ общественнаго богомолья, указалъ на его быка, обѣщавъ за это поблагодарить юмзю. Быкъ былъ купленъ и приведенъ для жертвоприношенія. Началась операція возливанія холодной родниковой воды; на быка вылито было не менѣе двадцати ведръ, но онъ, ощущая отъ холодной воды облегченіе отъ сильнаго жара, стоялъ какъ вкопаный. Все же судьба какъ его, такъ и хозяина его, была не очень завидна: чуваши узнали о сдѣлкѣ юмзи съ владѣльцемъ быка, убили быка кольями, и разрубивши на части, бросили на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, а владѣлецъ его былъ отлученъ отъ участія въ общественномъ моленіи и сельскихъ сходахъ, въ замѣнъ же денегъ, употребленныхъ на покупку быка, взята была міромъ у этого отлученнаго чувашина корова, которая и принесена уже на другой день въ жертву. Не обошлось даромъ и юмзѣ его корыстолюбіе: его, какъ злоупотребляющаго своимъ званіемъ, по

совѣту другихъ старшихъ, вызванныхъ на этотъ разъ изъ другихъ деревень, юмзей, лишили сего званія и запретили участвовать при всѣхъ моленіяхъ, даже въ качествѣ предстоящаго, а вмѣсто его избрали другаго — изъ меньшихъ юмзей.

Кисинь-чукъ (малое или семейное богомолье) совершается въ домѣ членами семейства при участіи родственниковъ съ тѣми же обрядовыми церемоніями, какъ и большое богомолье, кромѣ только того, что здѣсь юмзю или жреца замѣняетъ глава семейства.

Сюмурь-чукъ (моленіе во время бездождія). Этотъ обрядъ моленія совершается исключительно дѣвицами. Предъ началомъ этого чука, въ условленный день, дѣвицы собираютъ съ каждаго двора по нѣсколько крупы и молока, а собравши того и другаго въ достаточномъ количествѣ, отправляются къ рѣкѣ или пруду, гдѣ разводятъ огонь и варятъ кашу. Когда каша бываетъ готова, къ нимъ присоединяются парни, принося съ собою изъ дому чилякъ или ведро, и участвуютъ въ трапезѣ. По окончаніи трапезы всѣ они, какъ дѣвицы, такъ и парни, бросаются въ одеждѣ въ рѣку или прудъ и, выйдя оттуда всѣ мокрые и зачерпнувъ каждый воды въ имѣющійся у него сосудъ, отправляются по селу или деревнѣ и обливаютъ каждаго, попавшагося на встрѣчу, водою. Этотъ обрядъ моленія они стараются совершать къ вечеру, къ пригону стада, такъ какъ въ это время народъ собирается въ большомъ количествѣ къ околицѣ и каждый подвергается обливанію священною водою. Защищать себя отъ этого обливанія считается противорелигіознымъ поступкомъ [1]). При этомъ дѣло не обходится безъ женскаго крика и визга. Ужасно непріятно смотрѣть на подобное яв-

---

[1]) Во время одного такого моленія приходилось проходить мимо мѣста совершенія моленія священнику с. Чутеева, блаженной памяти Г. М. К. со Св. Дарами, для напутствованія больнаго. Лишь только онъ поравнялся съ этимъ мѣстомъ и, по долгу пастыря, сдѣлалъ чувашамъ вразумленіе, какъ вдругъ окружило его нѣсколько дѣвицъ, къ которымъ присоединились парни и повлекли было священника въ прудъ. И только устрашивъ ихъ имѣющеюся при себѣ святынею, священникъ могъ избавиться отъ нихъ, но всетаки весь былъ облитъ водою.

леніе. Множество дѣвицъ съ растрепанными волосами, полуобнаженныя, босыя, въ однихъ рубашкахъ бѣгаютъ по улицамъ, забѣгаютъ въ дома, гдѣ каждаго, попавшагося имъ на глаза, обливаютъ водой. Даже и духовныя лица съ семействами подвергаются этой же участи, если заблаговременно не запрутъ воротъ. Такой обрядъ совершается чувашами для умилостивленія Бога, чтобы Онъ отвратилъ гнѣвъ свой и чтобы миновала угрожающая опасность неурожая хлѣба и плодовъ земныхъ.

Авданъ-сыры (пиво съ пѣтухомъ, или поминовеніе родителей). Оно совершается осенью, почти въ одно время съ нашей родительской—Дмитріевской субботой. Къ этому времени каждое семейство варитъ пиво и, въ извѣстный день зарѣзавши пѣтуха, нарочно оставленнаго къ этому случаю, и приготовивши прочаго съѣстнаго, приглашаетъ къ себѣ своихъ родныхъ, гдѣ за общимъ столомъ поминаются ихъ родные. Порядокъ этого поминовенія бываетъ такой: на столѣ, покрытомъ пестрою скатертью, ставится большая деревянная чашка или блюдо съ кашею и прочими съѣстными припасами, гдѣ главную роль играетъ заколотый пѣтухъ. Каждый, участвующій въ поминовеніи, ставитъ къ чашкѣ восковую свѣчу въ 2 коп. и глава семейства первый начинаетъ совершать поминовеніе, произнося при этомъ слова: „*тиль ту*“ и, отламывая по небольшой частичкѣ отъ съѣстнаго, кладетъ эти части въ отдѣльную чашку. Послѣ него тоже самое продолжаютъ дѣлать и всѣ прочіе, участвующіе въ поминовеніи. По окончаніи поминовенія всѣми, чашка съ съѣстными припасами и съ зажженными свѣчами переносится къ порогу, гдѣ снова повторяется поминовеніе сначала главою семейства, а потомъ и прочими, но съ тою разницею, что тутъ отломленныя отъ съѣстныхъ припасовъ частички не кладутся въ чашку, а выбрасываются въ волоковое окошко въ сѣни, гдѣ и съѣдаются собаками, которыхъ у чувашъ великое множество, и чѣмъ больше собирается собакъ для пожиранія поминальныхъ кушаній, тѣмъ болѣе, по мнѣнію чувашъ, бываетъ пользы для душъ поминавшихся родственниковъ. Части же, сложенныя въ отдѣльную чашку, выносятся во дворъ и выбрасываются на повѣть, гдѣ и съѣдаются птицами. Здѣсь таже примѣта, что и при пожираніи остатковъ собаками.

Съ нашей весенней родительской у чувашъ совпадаетъ семикъ — четвертокъ передъ Троицею. Обрядъ поминовенія совершается такъ же, съ тою однакоже разницею, что въ это время поминовеніе родителей происходитъ на ихъ могилахъ съ большою церемоніею. Берутся на кладбище скрипки, волынки (сурнай) и пузыри (шибыръ), туда же привозятся разные съѣстные припасы и даже напитки. Совершивъ обрядъ поминовенія надъ умершими родными, чуваши начинаютъ и сами угощаться пивомъ, виномъ и квашенымъ медомъ, затѣмъ начинаютъ плакать, а потомъ плясать. Пробывъ на кладбищѣ нѣсколько времени, они возвращаются по домамъ и тамъ уже начинается у нихъ пьяное шумное гуляньe, которое продолжается не менѣе недѣли.

Чуваши боготворятъ еще *кириметн* и *гырыхи* [1]). Въ первыхъ изъ нихъ, по ихъ вѣрованію, обитаетъ злой, карающій духъ, почему они всячески стараются отклонять себя отъ его гнѣва всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами. Если приведется, по какому либо случаю, проѣзжать чувашину мимо киремети, онъ старается на этотъ разъ сѣсть задомъ къ ней, дабы взглядомъ своимъ не навлечь на себя ея гнѣва и мщенія. Поэтому и киримети у чувашъ большею частію находятся гдѣ либо въ сторонѣ отъ жилья, чтобы какъ можно рѣже приходилось проѣзжать мимо нея. Срубить же дерево въ этой священной рощѣ считается болѣе чѣмъ святотатствомъ, и всякій, кто только рѣшится на истребленіе киримети, не можетъ остаться не наказаннымъ отъ духа, обитающаго въ ней. Поэтому никто изъ нихъ и не рѣшается не только рубить кириметь, но даже брать изъ нея буреломъ. Кириметь у чувашъ—нѣчто въ родѣ заповѣдной рощи; здѣсь совершаются жертвоприношенія, состоящія изъ живаго скота, большею же частію извѣстное животное закалается дома,

---

[1]) *Киримети* чувашъ обыкновенно бываютъ: или группа березокъ или даже роща изъ нѣсколькихъ десятинъ лѣсу. Въ послѣднемъ случаѣ кириметь называется *аслы кириметь* (соборная кириметь). Отъ духа, обитающаго въ этихъ кириметяхъ, посылаются болѣзни: лихорадка, горячка, головныя боли и вообще всѣ болѣзни, разслабляющіе человѣка. *Гырыхи* — это два-три вязовыхъ дерева; отъ духа, обитающаго въ нихъ, посылаются болѣзни наружныя: вереды, шолуди и т. п.

голова, ноги и часть свареннаго животнаго относятся въ киреметь, и тамъ, по совершеніи моленія, все принесенное оставляется въ жертву духу. При назначеніи жертвы главную роль играютъ юмзи. Если кто заболѣваетъ, то одинъ изъ членовъ семейства отправляется къ юмзѣ, который при этомъ не прямо высказываетъ причину болѣзни, но прибѣгаетъ къ своему искусству. А искусство юмзи состоитъ въ слѣдующемъ: онъ беретъ небольшой кусокъ чернаго хлѣба, разламываетъ его на двое и, сѣвши на лавку, одну часть кладетъ на лѣвую колѣнку, а въ другой кусокъ втыкаетъ иголку съ ниткою и начинаетъ качать этотъ кусокъ надъ кускомъ, положеннымъ на колѣно, произнося при этомъ какія то слова или молитвы. Затѣмъ объявляетъ причину болѣзни и послѣ этого назначаетъ извѣстную жертву киримети, состоящую изъ какого либо животнаго или птицы. Приказаніе юмзи исполняется чувашами очень строго, а иногда, особенно при повальныхъ болѣзняхъ, обходится имъ не очень то дешево. Нелишнимъ считаемъ передать здѣсь слѣдующій забавный случай. Въ одномъ изъ чувашскихъ селъ нѣкто изъ причетниковъ поссорился съ прихожаниномъ своимъ чувашиномъ, а при ссорѣ пригрозилъ отомстить ему. Вскорѣ послѣ этой ссоры заболѣла у чувашина единственная дочь дѣвица. Отецъ отправляется, по обыкновенію, къ юмзѣ, но тотъ былъ уже предупрежденъ причетникомъ и повелъ дѣло въ свою пользу и въ пользу причетника. Погадавъ извѣстнымъ образомъ, юмзя объявилъ отцу больной дѣвицы, что болѣзнь ея произошла вслѣдствіе ссоры съ причетникомъ, который умолилъ кириметь отомстить ему, и для отвращенія гнѣва киремети и выздоровленія дочери должно принести удовлетворительную жертву. Чувашинъ долженъ былъ исполнить это свято и, будучи довольно зажиточенъ, не щадилъ ни чего. Причетникъ же ко времени принесенія жертвы отправляется въ киреметь и, влѣзши въ дупло большаго дерева, ждетъ чувашина. Когда тотъ пришелъ съ жертвою и началъ просить духа о прощеніи его, а въ особенности своей больной дочери (сирлахъ аслы киреметь), т. е. помилуй, главная киреметь! то причетникъ сурово отвѣчалъ ему: сирла-хмастышъ (не прощаю). Чувашинъ какъ громомъ былъ пораженъ такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ, и не только въ голосѣ причетника не могъ заподозрить человѣческаго голоса, но если бы даже на этотъ разъ причетникъ позволилъ себѣ явиться ему лично, то и

тогда едвали бы чувашинъ призналъ его за человѣка, а скорѣе всего за духа, обитающаго въ киремети. Оставивъ на мѣстѣ принесенную жертву, чувашинъ возвратился домой и немедленно пересказалъ о всемъ случившемся юмзѣ, который объяснилъ это особеннымъ раздраженіемъ киремети, высказавъ при этомъ, что во что бы ни стало, а слѣдуетъ умилостивить киреметь. Чувашинъ беретъ болѣе цѣнное животное и отправляется опять въ киреметь, но снова слышитъ тотъ же отвѣтъ: сирла-хмастыпъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока чувашинъ не привелъ въ киреметь стоявшаго у него на стойлѣ очень цѣннаго жеребца, и только тогда получилъ отвѣтъ: „сирлагатыпъ“ (прощаю). Между прочимъ всѣ животныя, принесенныя въ жертву, причетникомъ уводились и передавались въ руки тѣхъ, которые могли прятать концы всякаго дѣла въ воду. Нынѣ, впрочемъ, чуваши изобрѣли на случай жертвоприношенія нѣкоторую хитрость: вмѣсто животныхъ они приносятъ въ жертву аргамахи, изображенія извѣстныхъ животныхъ, испеченныя изъ бѣлаго тѣста, что обходится имъ очень дешево, отъ 3 до 10 коп., и такое жертвоприношеніе нынѣ сдѣлалось почти общеупотребительнымъ, кромѣ развѣ важныхъ случаевъ, гдѣ животное ничѣмъ не замѣнимо.

Кромѣ животныхъ и птицъ чуваши приносятъ въ жертву киремети и деньги мѣдными и серебряными монетами, которыя кладутся ими разнообразно: иные кладутъ при корнѣ деревъ на землю, другіе врываютъ въ землю, а иные кладутъ въ дупло дерева или за кору. Дѣло это обыкновенно совершается такъ: придя въ киреметь, чувашинъ становится на колѣна и, помолясь нѣсколько времени, очерчиваетъ монетою, предназначенною въ жертву, три раза около своей головы кругъ, и потомъ уже кладетъ или бросаетъ эту монету въ опредѣленное мѣсто. Всѣ сіи вклады деньгами, каковыхъ, нужно сказать, бываетъ не мало, переходятъ въ руки русскихъ, которые при каждомъ проѣздѣ мимо киремети не упускаютъ случая осмотрѣть всѣ дерева, растущія тутъ. А какъ въ описываемой нами мѣстности русскихъ не было, то сборщиками таковыхъ денегъ были обыкновенно дѣти членовъ причта, а при этомъ, нужно замѣтить, брались деньги изъ киремети условно. Каждый, кто только желаетъ поднять въ киремети какую либо монету, долженъ прежде сотворить на себѣ крестное знаменіе и при этомъ сказать: „не я беру, а

красный Савинка беретъ", — и это дѣлалось дѣтьми по наставленію родителей. Какую то таинственную силу имѣли въ глазахъ дѣтей эти слова, поэтому считаю не лишнимъ обрисовать личность Савинки. Савинка—чувашинъ, житель села Чутеева, былъ очень зажиточный человѣкъ, а, служа нѣсколько лѣтъ по выборамъ при волостномъ правленіи, достаточно обрусѣлъ и на всѣ обряды и жертвоприношенія своихъ единоплеменниковъ смотрѣлъ апатично. Въ сборахъ денегъ на покупку животныхъ для общественнаго моленія Савинка не участвовалъ, при чемъ даже не опускалъ случая обличить чувашъ въ ихъ заблужденіяхъ, о киреметяхъ говорилъ съ презрѣніемъ и старался ихъ уничтожать, употребляя вырубленный лѣсъ на постройку дома и другія потребности. Чрезъ это Савинка навлекъ на себя такую ненависть своихъ единоплеменниковъ, что при первой же общественной сходкѣ они рѣшились наказать его палками. Но за такое самоуправство чуваши поплатились не дешево. Вотъ, вѣроятно, потому то и явилось такое условіе при поднятіи въ киремети денегъ: „не я беру, а красный Савинка беретъ". По понятіямъ же чувашъ Савинка не остался не наказаннымъ киреметью за свое безвѣріе; весною, объѣзжая волость, онъ случайно попалъ въ зажоръ и сильно простудился. У него отнялись ноги, поэтому онъ и долженъ былъ ходить нѣсколько лѣтъ на клюшкахъ, а затѣмъ хотя и вылѣчился, но умеръ неестественною смертію. Будучи понятымъ при раздѣлѣ участка земли, Савинка, какъ очень энергичный человѣкъ, покричалъ болѣе всѣхъ. При этомъ споръ съ обѣихъ сторонъ не обошлось безъ драки и Савинка былъ такъ же стоко избитъ дубьемъ, что будучи привезенъ домой, дней черезъ пять померъ. Все это чуваши сочли наказаніемъ ему отъ киремети. Кромѣ Савинки лѣсъ въ киремети истребляли еще члены причта с. Чутѣева—діаконъ Р. и дьячекъ М., но тотъ и другой не остались также, по мнѣнію чувашъ, не наказанными киреметью. Первый изъ нихъ, вырубая лѣсъ въ позднюю осень, простудился, заболѣлъ тифомъ и померъ. А послѣдній, хотя и не наказанъ былъ смертью, но впослѣдствіи, помѣстивъ на свое мѣсто сына, лишился дома отъ пожара, и сынъ долженъ былъ перейти въ другое село. На переходъ причта въ другое мѣсто чуваши смотрятъ очень не выгодно, а тѣмъ болѣе на переходъ такого лица, дѣдъ и отецъ

котораго прожили въ этомъ селѣ 104 года въ должности дьячка [1]).

Судьба чувашскихъ киреметей, какъ священныхъ рощъ, въ послѣднее время сильно измѣнилась. Русскіе крестьяне села Мамонина, лишась домовъ отъ пожара, выпросили у лѣсничаго эти чувашскія священныя рощи на постройку домовъ такъ что истребили ихъ почти всѣ въ описываемой мѣстности, оставивъ только негодныя для постройки дерева. Но и эти оставшіяся дерева находятся у чувашъ въ такомъ же почтеніи и боготвореніи, какъ и бывшія цѣлыя керемети, мѣста, гдѣ стояли священныя деревья, остаются незапаханными, потому что, по убѣжденію чувашъ, пахать и засѣвать хлѣбъ на такихъ мѣстахъ есть святотатство.

Іирыхи. Это два, три отдѣльно растущія дерева, большею частію вязовыя; духъ, обитающій въ нихъ, менѣе зловреденъ для чувашъ, чѣмъ духъ киремети. Онъ можетъ вредить людямъ только наружными болѣзнями, какъ то: вередами, ранами и разною сыпью на тѣлѣ, поэтому и жертва їирыху приносится скромная. Онъ довольствуется только перышками, косточками птицъ, разными привѣсочками, какъ то: шелковыми ниточками, разными тахланами (кружечками изъ бѣлой жести или свинца) и разными обносками обуви и т. п. Срубить одно изъ такихъ деревъ у чувашъ считается также дѣломъ невозможнымъ. Если бы кто рѣшился поднять святотатственную руку на іирыха, то такой смѣльчакъ, по вѣрованію чувашъ, на всю жизнь останется покрытымъ неизлечимыми струпьями.

Такъ то чуваши удовлетворяютъ своимъ религіознымъ чувствамъ, совершая своеобразныя моленія, что продолжается, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ! Священникъ для нихъ не болѣе, какъ оффиціальный исправитель требъ, поэтому

---

[1]) Дѣдъ происходилъ изъ чувашъ села Чутеева, воспитывался въ бывшей новокрещенской инородческой школѣ (гдѣ нынѣ находится Казанская инородческая учительская семинарія) и кончивъ тамъ курсъ, былъ опредѣленъ въ дьячки и прослужилъ при церкви с. Чутеева 56 лѣтъ. Мѣсто его занялъ сынъ, который также прослужилъ дьячкомъ 48 лѣтъ и сдалъ мѣсто своему сыну, но послѣдній, прослужа всего 4 года, перешелъ на другое мѣсто. Дальнѣйшая его судьба счастливѣе первыхъ, что извѣстно и чувашамъ.

46673

они, лишь только заболѣетъ кто либо изъ семейства, приглашаютъ священника только для исповѣди, дабы въ случаѣ смерти больнаго не отвѣчать передъ свѣтскимъ судомъ. Но попросить помощи или совѣта у священника о принятіи мѣръ къ излеченію больнаго никогда и на умъ не приходитъ чувашину; онъ въ такихъ случаяхъ вполнѣ увѣренъ въ помощи своихъ юмзей, которые, злоупотребляя простодушіемъ своихъ единоплеменниковъ, извлекаютъ изъ нихъ свою пользу и стараются, отчуждая ихъ отъ священниковъ, держать въ невѣжествѣ. Вывести ихъ изъ тьмы такого невѣжества можно только чрезъ распространеніе между ними грамотности. Этому могутъ служить примѣрами бывшіе нѣкогда изъ чувашъ сельскіе писаря, которые хотя получали и небольшое образованіе, старались однакоже жениться на русскихъ дѣвицахъ и жили послѣ того, какъ природные русскіе.

Поэтому не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о чувашскихъ сватьбахъ. Есть у чувашъ такъ называемыя „краденыя сватьбы“, которыя устрояются съ согласія жениха и невѣсты. Согласившись сочетаться бракомъ, но не получая на то согласія родителей, женихи назначаютъ условное мѣсто и время, когда можно похитить невѣсту. Женихъ къ этому времени приглашаетъ своихъ родныхъ, знакомыхъ или нарочито приглашаетъ на сей разъ молодыхъ людей, отличающихся особенною ловкостью и силою. Они закладываютъ пару лихихъ лошадей и отправляются къ условленному мѣсту, схватываютъ невѣсту, кладутъ ее на телѣгу и отправляются въ лѣсъ, гдѣ женихъ и входитъ въ супружескія отношенія съ похищенной невѣстой. Послѣ этого пріѣзжаютъ въ село къ священнику для совершенія брака, а чрезъ нѣсколько времени дѣлаютъ мировую съ родителями невѣсты, которые при этомъ по неволѣ лишаются большаго калыма [1]). Но при такихъ обстоятельствахъ дѣло не обходится иногда обоюднымъ согласіемъ жениха и невѣсты; бываетъ не мало и такихъ случаевъ, когда невѣста крадется безъ ея согласія и гдѣ представится жениху и его соумышленникамъ удоб-

[1]) **У чувашъ есть обыкновеніе брать съ жениха деньги за невѣсту отъ 25 до 100 руб. и болѣе, судя по состоянію жениха и невѣсты. Когда женихъ крадетъ невѣсту, калымъ уже не платится.**

ный случай: при сборѣ-ли ягодъ въ лугахъ или при возвращеніи съ базара или даже тогда, когда возвращаются съ рѣки, куда ходятъ за водой. Тогда невѣста кричитъ во все горло: хурахъ, хурахъ (караулъ), на этотъ крикъ иногда являются родные и при этомъ завязывается драка, но успѣхъ большею частію бываетъ на сторонѣ жениха, такъ какъ на этотъ разъ онъ успѣваетъ окружить себя ловкими и сильными товарищами. Одержавъ побѣду надъ невѣстиною стороною, молодежь увозитъ невѣсту далеко въ лѣсъ или даже въ другую деревню къ знакомымъ или родственникамъ жениха и бѣдной невѣстѣ приводится вынести тамъ много испытаній, а подъ часъ и истязаній. Всего предосудительнѣе то, что соумышленники жениха помогаютъ ему въ растлѣніи невѣсты. Послѣ всего этого ночью отправляются или прямо къ своему приходскому священнику или къ кому либо изъ причта, а затѣмъ въ церковь, гдѣ для безопасности отъ противной стороны бракъ совершается за запертыми дверьми или тогда же ночью, или же утромъ. Но часто случается, что родители невѣсты успѣваютъ подкараулить похитителей, происходитъ жаркая схватка и побѣда остается на сторонѣ первыхъ. Невѣста отнимается у избитаго жениха и уводится въ домъ своего отца, но участь ея уже рѣшена. Чутеевскіе чуваши, считая цѣломудріе верхомъ совершенства дѣвицы, находятся вынужденными отдать лишенную невинности невѣсту ея похитителю, при чемъ не лишаются и должнаго калыма. А что у чувашъ такъ высоко цѣнится цѣломудріе дѣвицъ, видно напр. изъ того, что въ продолженіи 20-ти лѣтней моей жизни въ с. Чутеевѣ родила одна только чувашская дѣвица, но она за это находилась въ презрѣніи не только у чужихъ, но и у родныхъ.

Изъ всего вышесказаннаго читатели могутъ видѣть, насколько вредны краденыя сватьбы и насколько нужно стараться къ принятію мѣръ о прекращеніи таковыхъ браковъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
КАЗАНСКОЙ
Духовной семинаріи.

ОЛЬГИЕРДОВСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
ПОЛОЖАВАЯ
ОЛЬГИЕРДОВСКАЯ

БИБЛИОТЕКА
Научно-исслед. института
языка, лит-ры и ис-рии

Кз 1297

40 коп.